

Марина Линда

Биточки из тюлечки

В этой семье меня не ждали. Не для меня растили в два сердца своего одесского мальчика его мама и бабушка. Но именно мне, «понаехавшей», было суждено продлить этот род еще двумя художными коренными одесситами. За это я была безоговорочно амнистирована и принята в семью. И мы, конечно же, срослись по всей плоскости корневых систем и веток. Но кое в чем я до сих пор ощущаю свою ущербность.

Одесса – это не только море. Одесса – это кухня. Большая, жаркая, сшибающая с ног смешением самых несовместимых компонентов и ароматов. Особенно летом – в сезон.

Я и кухня не очень дружны по жизни. А об одесской кухне я и вовсе не успела сложить никакого представления за те два года, которые прожила в этом городе до встречи с моим будущим мужем. И вот эта самая одесская кухня началась для меня именно с его бабушки Клавы.

Потому что еда в Одессе – это святое. В одесском доме тебя обязательно накормят, даже если ты – не очень-то желанная будущая невестка. Поэтому, знакомясь с семьей моего любимого, я безо всяких предисловий попала прямиком на пиршество, которого давно не знавал мой истомленный общежитской жизнью желудок. Бабушка Клава метала на стол куриные биточки, фаршированную рыбу, фаршированную шейку, голубчики с мизинчик, жаркое, оливьешечку, брынзу, холодчик, сопровождая все это восклицаниями:

– Ой, ну что ж вам еще подать? Так сегодня совсем нечем угостить... – и скорбно качала головой.

Я сразу заметила, как неодобрительно бабушка косится на мою худобу, и старалась очень хорошо есть. Моя будущая свекровь в это время радушно развлекала меня разговорами, но, заметив, что на шестом кусочке шейки я слегка побледнела, увела меня на балкон – «покурить с кофеечком». И хотя я никогда в жизни не курила, но то была действительно отличная идея. Так я выжила в тот трудный вечер, и смотрины были пройдены.

Следующим подарком судьбы для меня стала необходимость пожить некоторое время под одной крышей с бабушкой Клавой. В то время подарок этот казался весьма сомнительным. Мы долго и страстно скандалили по любому поводу. Но одно оставалось неоспоримым – бабушкино верховенство на кухне. Тут я даже не прикидывалась хозяйкой и честно пыталась научиться ее премудростям.

– Тюлька – чудо! – бабушка с гордостью плюхнула на стол передо мной кулек с малюсенькими рыбками. И аромат моего утреннего кофе мгновенно заволокло морским туманом. Мое летнее выходное утро, которое обещало начинаться долго и лениво распитием кофе-чая в обнимку с мужем на тенистом балконе, резко оборвалось бабушкиным возвращением с Привоза.

Я хлопала глазами, совершенно не понимая, зачем нам эта мелюзга, если в доме нет кошек. А бабушка Клава уже доставала досточку, ножик и повязывала свой ослепительно чистый передник.

– Щас будем чистить, – заверила она меня.

– А... можно я сначала просто посмотрю? – спросила я робко.

В ответ бабушка Клава одарила меня снисходительным взглядом, мол, что с нее возьмешь – приезжая. И принялась обезглавливать тюльку. Может, эти рыбки при жизни и видели в своих ночных кошмарах нечто настолько же ужасающе-виртуозное, но я такие скорости в разделке рыбы наблюдала впервые. Я смотрела на бабушку, раскрыв рот, и от этого неприкрытого восхищения мои акции на семейном рынке стремительно росли.

Спустя считанные минуты тюльки превратились в тушки. Отправив сковороду на огонь – разогреться, бабушка смешала муку, яйца и соль.

– Во-от, а теперь берешь вот так пучочек, – и она смастерила букетик из пяти рыбок, держа их за хвостики, – и обмакиваешь в кляр. А теперь – оп! И на сковородку.

Биточек, похожий на маленький веер, тут же запузырился по краям в раскаленном подсолнечном масле. А бабушка Клава развернулась ко мне, вызываяще оперев руки в бока:

– Ну что – пробуй!

– Я?! – испугалась я.

Но куда деваться? Тюлька сама себя не пожарит. А мне ведь придется когда-то вытворять все это самостоятельно на собственной кухне. Вздохнув, я запустила руку в миску, попытавшись собрать свой рыбный «букетик». Но тюльки расплзались во все стороны. Одна сразу угодила в кляр. Другая предательски выскользнула из пальцев в тот самый момент, когда я уже наконец-то собрала непослушный пучок. Она удрала от меня напрямик на сковородку, минуя всякие предисловия.

В этот момент хлопнула входная дверь и в кухню неспешной поступью усталой львицы вошла соседка:

– Тетя Клава, а я заколотила блинчики, – соседка выдержала паузу, глубоко вздохнула и, словно нехотя, продолжила: – А яйца не хватает. Одолжите яичко, тетя Клава.

Бабушка пробормотала что-то вроде: «У мужа своего одолжи яичко», – но все же полезла в холодильник, извлекла оттуда два яйца и вручила соседке:

– Держи, с походом. А то вдруг еще чего-нибудь заколотишь.

– Ой, спасибо! Микады купила. Хорошие, – в том же размеренно-минорном тоне отчиталась соседка и внезапно перешла на верхний регистр. – Нет, ну а вы видели черешню на Привозе? Это ж сплошное мясо!

– Как это? – не поняла я.

– Червивая вся, – пояснила она, глядя на меня, как на потерпевшую. Я всегда читала в ее взгляде вот это сложносочиненное выражение: «Ты, конечно, девочка красивая, но что поделать, слегка туповата». Я поспешно отвернулась к тюльке, а соседка с двумя яйцами и с невыразимым достоинством уплыла колотить свои блинчики.

Бабушка Клава глянула на мои биточки, сгрудившиеся нелепыми серыми бугорками на сковороде, и уверенно оттеснила меня от плиты своим внушительным бюстом:

– Ай! Иди играйся – не мучай рыбу!

И бросила мне на тарелку свежепожаренный биточек. Недоверчиво помедлив пару секунд, я все же откусила и моментально восхитилась тем, насколько вкус превосходил вид этого кулинарного чуда.

– Помидорку еще возьми, да с хлебушком, – улыбнулась бабушка, созерцая мой восторг.

Потом между нами было очень многое. Я научилась у нее делать зеленый борщ по-одесски, узнала секреты приготовления самого фантастического рассольника, пыталась перенимать способы закрутки помидор и приготовления икры из синеньких. Мы готовили плечом к плечу, прорастали друг в друга привычками и историями.

А потом разъехались и стали хозяйничать по отдельности. Но на праздники вся семья традиционно собиралась за столом у бабушки Клавы. Однажды, буквально выкатываясь после такого застолья, я спросила:

– Бабуль, зачем так много еды? Мы ж не съедаем это все.

Она присела напротив, вытирая руки накрахмаленным полотенцем, и ответила тихо и задумчиво:

– Ну сыты, и слава Богу! И мне за вас, худосочных, спокойнее. Только бы вы не были голодными. Только бы не знали, что такое голод...

И прибавила:

– А вот рыбу фаршированную ты так и не попробовала! Ну да я вам дам с собой.

Время, как море, слизало уже и тот дом, в котором никогда не закрывались входные двери квартир, и многих жильцов того дома. Но бабушкины биточки из тюлечки так и остались для меня непокоренной вершиной – манящей, как юность, и солнечной, как одесское лето.

